

Последние дни Цянь Яо не находил себе места.

Причин для беспокойства было предостаточно. Во-первых, внезапно выяснилось, что у прежнего владельца этого тела был «бамбуковый конь» — заветный друг, с которым они вместе выросли. Во-вторых, этот самый друг был в него влюблен. И в-третьих, этот влюбленный друг детства жаждал тайной встречи, заявляя, что дело не терпит отлагательств.

Хотя Сяо Суйцзы и уверял, что они не виделись добрых два года, Цянь Яо первым делом хотел ответить решительным отказом. Слишком уж много «отягчающих обстоятельств» навалилось разом; он всерьез опасался, что при первой же встрече выдаст себя какой-нибудь оплошностью.

Ему удалось обвести вокруг пальца слугу, но Лу Яньчжоу — дело иное.

Судя по рассказам евнуха, их отношения граничили с тем самым хрупким моментом, когда для признания остается лишь перешагнуть невидимую черту. Такая близость не прощает фальши. До того как семья Цянь попала в опалу, молодой господин Лу был готов пойти наперекор всему миру, лишь бы взять Цянь Яо в законные супруги.

— Если черту они так и не перешагнули, откуда же взялись мысли о свадьбе? — недоуменно спросил Цянь Яо.

— Молодой господин Лу уже собирался открыть вам свое сердце, — пояснил Сяо Суйцзы. — Он даже просил меня помочь.

— Помочь? И как же?

— Тем днем он тайно разыскал меня и передал несколько расшитых мешочков. Они были полны светлячков, которых поэтично зовут «Освещающими ночь». Он всю ночь ловил их, чтобы я вечером выпустил их в вашей комнате. Вы ведь всегда любили этих крохотных созданий.

Цянь Яо, как бывший студент-гуманитарий, знал, что «Освещающих ночь» — это просто светлячки. Он представил эту картину: признаться, затея казалась весьма романтической.

— А что потом?

— А потом молодой господин Лу должен был открыть окно и протянуть вам ветку цзесяня, которую срезал на рассвете.

«Цзесянь...»

Цянь Яо знал этот цветок. В народной традиции он считался символом любви: его гибкие ветви можно завязать узлом, что знаменовало неразрывную связь душ.

— Он сказал: если вы согласны, то должны завязать узел на этой ветке. Тогда бы он всё понял без слов.

Цянь Яо невольно улыбнулся. Поначалу это казалось ребячеством, но стоило вспомнить, что два года назад они были лишь юношами, не достигшими и шестнадцати, как эта наивность наполнилась искренностью.

Он прикрыл глаза, рисуя в воображении эту сцену.

Ночь окутывает комнату, таинственный свет «Освещающих ночь» дрожит в воздухе, и вдруг створки окна распахиваются. Юноша, стоящий у окна, протягивает цветок... Против такого очарования трудно устоять, даже не имея склонности к мужчинам.

— И что же было дальше? — продолжал расспросы Цянь Яо. — Я... то есть он, ответил согласием?

Сяо Суйцзы печально покачал головой.

— Нет?

— Всё сложилось иначе. Молодой господин Лу не успел произнести заветные слова. В тот самый день над семьей Цянь разразилась гроза, а вскоре нас увезли во дворец.

— А что случилось с Лу Яньчжоу?

— Семья Лу не пострадала. Я знаю лишь, что после случившегося он всеми силами пытался вас защитить. Когда я пришел к нему с мольбой, он помог мне попасть во дворец, чтобы я мог быть рядом с вами. А после... вести от него перестали приходить.

Сяо Суйцзы тяжело вздохнул.

— Снова я услышал о нем, лишь когда он стал императорским гвардейцем. Только тогда я понял, что все эти два года он не щадил себя: корпел над книгами, до седьмого пота упражнялся в стрельбе и верховой езде. Пользуясь заслугами предков и собственным усердием, он добился места в дворцовой страже.

Цянь Яо не нужно было объяснять, ради чего тот пошел на такие жертвы. Ему стало искренне жаль этих несчастных влюбленных, чьи судьбы так жестоко изломало время. Но вскоре практичный ум подсказал ему насущный вопрос:

— Но ведь стражникам запрещено появляться в покоях внутренней части дворца?

— Запрещено. Но он сказал, что найдет способ миновать дозоры Отдела Холодного Клинка и глаза слуг.

— Это слишком опасно, — Цянь Яо мгновенно вспомнил тридцать три вырванных языка. — Нужно остановить его.

Однако Сяо Суйцзы был полон уверенности.

— Если господин Лу сказал, что найдет путь, значит, так оно и будет.

— Ты так безоглядно ему веришь? — удивился Цянь Яо.

Ответ слуги заставил его умолкнуть.

— А-Яо, раньше ты верил ему еще сильнее.

***

Доводы Сяо Суйцзы лишили Цянь Яо возможности отступить. Пришлось согласиться на встречу, но, снедаемый страхом разоблачения, он выпытал у слуги всё, что тот помнил о прежней жизни Лу Яньчжоу.

Постепенно в голове сложился образ. Юноша был младшим сыном Лу Бина, командующего девятью городскими воротами и пятью лагерями столичной стражи. Его старшие братья уже занимали высокие посты при дворе. Родители, жившие в любви и согласии, души не чаяли в младшем сыне, а братья, взявшие на себя заботу о семейном деле, и вовсе баловали его сверх меры.

Мужчины рода Лу были воинами до мозга костей, и отец желал для младшего иной доли — он хотел видеть его ученым мужем. Едва мальчику пришло время начинать учение, для него стали искать наставника и в конце концов выбрали домашнюю школу Старого наставника Цянь.

Семья Цянь была оплотом книжной учености, поколениями хранившей верность традициям. Хотя наследников в роду было немного, их домашняя школа славилась на всю столицу, а уроки там давали величайшие академики. Попасть туда мечтали многие знатные семьи Янь.

Но отбор был суров. Лишь благодаря щедрым дарам и давней дружбе старейшин двух родов молодой Лу был принят.

Сам он в гробу видал эти свитки: упражнения с копьем манили его куда больше каллиграфии. Но после внушительной порки, заданной отцом, он присмирел и отправился на занятия.

Он ожидал, что жизнь превратится в серую скуку, но встретил там Цянь Яо.

Оба они не питали страсти к учебе и были избалованы домашними, так что с первого же дня стали не разлей вода. Их называли «двумя сапогами парой»: вместо зубрежки они проказничали и доводили учителей до белого каления.

Так они и росли — балуясь и отлынивая от дел. Однако школа семьи Цянь была слишком хороша: вопреки их сопротивлению, наставники сумели вложить в их головы знания и привить благородные манеры.

Повзрослев, друзья остепенились. Один стал блестящим щеголем, другой — прекрасным, точно резной нефрит, юношей. Еще не достигнув совершеннолетия, они уже успели разбить немало девичьих сердец.

С годами их детская дружба начала незаметно перерастать в нечто иное — глубокое и трепетное чувство. Неизвестно, кто первым осознал эту перемену, но никто не решался нарушить хрупкую тишину признанием. Они делали вид, что ничего не происходит, прощупывая почву и пытаясь разгадать помыслы друг друга, пока Лу Яньчжоу не потерял терпение.

Возможно, они могли бы быть счастливы. Но им не хватило всего одного шага. И теперь этот шаг казался бесконечно долгим.

***

Мысли о предстоящей встрече не давали Цянь Яо покоя. Но из-за того, что вести с границ становились всё тревожнее, а во дворце и за его пределами воцарилась гнетущая атмосфера, свидание постоянно откладывалось. Прошло полмесяца, а подходящего случая так и не представилось.

Цянь Яо не торопил события; он был даже рад этой отсрочке. Несмотря на двухлетнюю разлуку и его нынешнее положение слуги, риск разоблачения оставался велик. Он не был влюблен в мужчину и ничего не знал о подлинном прошлом этого тела. Любая мелочь, любой жест могли выдать его с головой. Поэтому он был готов тянуть время до последнего.

В глубине души он даже надеялся, что пограничные распри затянутся еще ненадолго. Однако небеса распорядились иначе.

В тот день во дворец прибыл срочный доклад. Три дня назад войска Северной Шо под покровом ночи напали на пограничный город Е. Среди защитников нашелся предатель, открывший

боковые ворота. Ворвавшись в город, солдаты Шо устроили кровавую резню, грабя и сжигая всё на своем пути. Головы мирных жителей были выставлены на городских стенах в назидание остальным.

Это зверство всколыхнуло всю страну. Народный гнев вспыхнул мгновенно: люди сами шли к властям, отдавая последние сбережения на нужды армии.

В то же время в столице раскрыли заговор нескольких десятков богатейших семей, связанных с мятежным принцем. Виновных обезглавили, их головы выставили на рыночной площади, а всё имущество отошло казне. После этого остальные богачи поспешили проявить «щедрость», жертвуя колоссальные суммы на военные расходы. Один лишь богатейший купец столицы пожертвовал несколько миллионов монет.

При дворе возобладали сторонники войны. Свитки с требованиями покарать врага сыпались на императорский стол один за другим.

Государь не заставил себя ждать. В кратчайшие сроки из пограничных крепостей были стянуты сто тысяч отборных воинов. Во главе армии встал прославленный генерал У Минъю, многие годы охранявший рубежи.

Поскольку действия Шо были за гранью человечности, а боевой дух Янь — непоколебим, захватчики в городе Е были уничтожены почти мгновенно.

Весть о победе разнеслась по всей империи, вызвав ликование. Казалось, армия вот-вот повернет назад, но император провозгласил:

— Северная Шо первой нарушила мир. С чего бы нам останавливаться? За один захваченный город я предаю мечу десять их городов.

Вслед за этим последовал новый приказ.

Войска под командованием У Минъю стремительно атаковали десять городов Северной Шо один за другим. Враг пытался слать подкрепления, но сопротивление было бесполезным. В конце концов, Шо прислала прошение о мире, соглашаясь отдать пять своих городов в обмен на спокойствие.

Прежде Южная Янь всегда была той стороной, что слала прошения о мире, но с тех пор как Второй принц возглавил армию и взял власть в свои руки, победы следовали одна за другой. Авторитет нового императора достиг зенита.

Однако никто не ожидал, что в день, когда Его Величество охотился на охотничьих угодьях в честь празднования, кто-то внезапно совершит нападение. Стрела пролетела в волоске от него, едва не оборвав жизнь правителя.

Разгневанный государь велел немедленно начать расследование. Нити заговора тянулись в самые верха, к высшим сановникам империи.

Ци Ань не знал жалости: головы летели с плеч без оглядки на заслуги. В конце концов, под подозрением оказался сам верховный канцлер.

Хотя Цянь Яо безвылазно находился во внутренних покоях, он чувствовал: дворец буквально захлебывается в крови. Казалось, сырой, металлический запах смерти пропитал даже воздух столицы.

Опала выкосила ряды чиновников; в правительстве сменилось множество людей. Страх сковал сердца, и более никто не смел перечить воле монарха.

Лишь когда буря немного утихла, Цянь Яо снова увидел, как император безмятежно дразнит свою птицу.

В те дни государь был слишком занят, юноша почти не видел его, но служба продолжалась. Он обязан был находиться в дворце Сымин или в спальне, даже если господин там не появлялся.

От нечего делать Цянь Яо полюбил наблюдать за птицами в клетках. Раньше он думал, что пара воробьев — любимцы императора, но недавно понял: это не так.

Воробьи живут недолго, и один из них вскоре окошел. Цянь Яо ждал, что слуги сообщат об этом государю, но они лишь молча заменили птицу новой. К возвращению Ци Аня клетка снова была полна.

Воробьи прыгали по жердочкам, и вряд ли кто-то мог заметить подмену. Цянь Яо не знал, догадывается ли император о смерти прежней птицы.

Глядя на то, как мужчина медленно поднимает раненую руку, чтобы поиграть с пленницей, юноша подумал: «Ему всё равно. Неважно, кто именно бьется в этой клетке. Лишь бы это доставляло ему мимолетное удовольствие».

***

Событий последних дней было так много, что Цянь Яо не успевал видаться даже с Сяо Суйцзы, не говоря уже о Лу Яньчжоу. А редкие встречи со слугой уже не были такими откровенными, как прежде. Цянь Яо теперь служил при императоре, и многие разговоры стали небезопасны. К тому же во дворец за каждым углом таились тени Отдела Холодного Клинка.

Атмосфера была накалена до предела, и Сяо Суйцзы долго не заикался о встрече с Лу Яньчжоу. Цянь Яо начал было надеяться, что об этой затее забыли.

Но однажды, когда его смена закончилась, Сяо Суйцзы внезапно пришел к нему во двор евнухов.

— Что ты здесь делаешь? — обрадованно воскликнул Цянь Яо, выходя навстречу.

Тот, не говоря ни слова, отвел его в укромное место и незаметно вложил в ладонь свернутую записку. Цянь Яо сразу понял, от кого она.

Он не посмел открыть ее сразу. Лишь вернувшись в свою комнату и убедившись, что за дверью никого нет, юноша развернул тонкую бумагу.

На листке было начертано:

[Час Хай, первая четверть. Встретимся в Павильоне, где слушают бамбук].

<http://bllate.org/book/15347/1413490>